

Русская литература

131

1965

ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТ Б. Я. БУХШТАБУ И Е. И. ПРОХОРОВУ

Я оставался и остаюсь при убеждении: текстология имеет общие принципы, общую методику и общие приемы работы, какие бы тексты она ни изучала — японские, русские, греческие, новые или древние. Больше того, текстолог должен оставаться текстологом — имеет ли он дело с текстом классического произведения художественной литературы или со скромными трудами своего коллеги по специальности. Ведь и в последнем случае текстолог обязан считаться с волей автора. «Воля автора — *suprema lex*», — пишет Е. И. Прохоров, цитируя слова Н. К. Пиксанова, и добавляет: «Мы за нее!» В таком случае Е. И. Прохоров обязан быть за нее не на словах, а на деле. По-видимому, последнее не так-то легко. Считаться с волей автора — значит *понимать* эту волю, понимать намерения автора, не навязывать ему то, с чем он явно не согласен, не приписывать ему таких намерений, наличие которых невозможно доказать. Все это прямо противоположно формальному отношению к тексту и, разумеется, формальному, «юридическому» пониманию воли автора, в данном случае — моей.

Е. И. Прохоров заявляет, что он недоволен прежде всего моими «формулировками». Он пишет, что задача его статьи «вернуться к некоторым формулировкам, высказанным в „Очерке“» Д. С. Лихачева (стр. 147).

Ища прежде всего «формулировок», Е. И. Прохоров находит в моих работах мнимые противоречия. Е. И. Прохоров утверждает, например, что «немало формулировок „Очерка“ и ответа Б. Я. Бухштабу диаметрально противоположны» (стр. 147). Методом выхватывания отдельных мест и выражений из контекста Е. И. Прохоров находит, например, у меня следующее противоречие: с одной стороны, я утверждаю, что текстологию следует отделять от техники издания текста, а с другой — что изучение истории текста и техника издания «неразрывны» (стр. 150). Но в моем ответе Б. Я. Бухштабу ясно сказано, что издание текста должно основываться на изучении его истории и *в этом смысле* они неразрывны. Далее сказано, что изучение истории текста должно предшествовать изданию, быть независимым от задач его издания и *в этом смысле* оно должно быть отделено от издания.

Е. И. Прохоров утверждает, что я не различаю два понятия — «текст» и «история текста». «В самом деле, — пишет Е. И. Прохоров (стр. 148), — в „Очерке“ сказано: „Текстология изучает историю текста...“ (Очерк, стр. 5); в ответе Б. Я. Бухштабу: текстология — „наука, изучающая текст, историю текста“ (ответ, стр. 76). Так о чем же наука — о тексте или о его истории?» — спрашивает Е. И. Прохоров, не замечая отсутствия противоречия в утверждении, что текстология изучает не просто текст (текст закона может изучать юрист, текст Библии библеист, текст исторического источника историк и пр.), а именно *изменения* текста, она стремится раскрыть историю текста, и это достаточно подробно показано в моих работах.

Я бы хотел обратить также внимание читателей на голословность многих обвинений, выдвинутых против меня Е. И. Прохоровым. Не

только голословным, но явно противоречащим *основному* содержанию моих работ по текстологии следует считать утверждение Е. И. Прохорова, что в моих книгах и статьях ничего не говорится о «методе» текстологии. Хотя я не употребляю слова «метод» (именно это, очевидно, и ввело в заблуждение Е. И. Прохорова), — методу и методике текстологических исследований посвящено основное содержание всех моих работ по текстологии.

Не всегда считаясь с волей автора и его намерениями, спорит со мной и Б. Я. Бухштаб. Так, например, Б. Я. Бухштаб сопоставляет три цитаты из моего ответа ему, говорящие о разном, имеющие разный субъект суждения, и затем обвиняет меня в подмене субъекта суждения (стр. 129). Но в подмене субъекта виноват сам Б. Я. Бухштаб, соединивший то, что не подлежало соединению. Или Б. Я. Бухштаб видит противоречие в том, что я говорю об истории текста отдельных произведений и об истории текста вообще? «Помимо воли автора в этих формулировках отразился тот факт, что научную цельность может иметь история отдельного произведения...» (стр. 130). Но разве я где-нибудь отрицал цельность изучения истории произведения? Я только считаю, что история произведения шире истории *текста* произведения (об этом ниже).

Б. Я. Бухштаб считает, например, что мое определение понятия *произведения* не дает возможности отграничить его от понятия *текст*. Разумеется, не дает! И не может дать, ибо произведение с текстологической точки зрения есть один из видов текста. С таким же успехом можно заявить, что определение того, что такое птица (определение может быть любым) не дает возможности отграничить птицу от курицы...

Спорить по отдельным местам текста, возводя их в ранг «формулировок» и определений, можно до бесконечности. Я прошу самих читателей внимательно проверить контекст, из которого взяты мои цитаты, и убедиться в том, что спор часто идет мимо существа вопроса.

В данной моей статье полезнее остановиться не на споре из-за отдельных «формулировок», а на разногласиях по существу.

История текста

Мне представляется, что самое крупное мое разногласие с Б. Я. Бухштабом заключено в том, как мы понимаем историю текста. Б. Я. Бухштаб чрезвычайно сужает это понятие. Он, например, считает, что там, где существует только один источник текста, не может быть выявлена история текста. Я же считаю, что и при одном источнике текста можно исследовать историю текста. Одна из глав моей большой «Текстологии» (глава IV) в той ее части, которая посвящена методике изучения истории текста, называется «Исследование текста в одном списке», и речь там идет именно об исследовании *истории* текста.

Вопреки Б. Я. Бухштабу, я считаю, что даже исправление ошибки должно основываться на истории текста. Исправление ошибки не есть ее простое устранение, а это есть замена позднего чтения предшествующим ему авторским. Ведь позднейшее ошибочное чтение может давать вполне осмысленный текст, а логическая или стилистическая ошибка может принадлежать самому автору и быть устраненной помимо воли автора (корректором, наборщиком и пр.). Для того чтобы определить, что перед нами действительно ошибка, надо выяснить, как она произошла, к какому типу ошибок она принадлежит и пр.

Вопреки Б. Я. Бухштабу, по моему мнению, конъектура, чтобы быть убедительной, также должна основываться на изучении истории текста. Она не просто исправляет текст, а она возвращает подлинный авторский текст. Приведенный Б. Я. Бухштабом пример с названием

«Истории села Горюхина» подтверждает как раз то, о чем я говорю. Мы выбираем чтение «Горюхино» вместо «Горохино» не потому, что первое «лучше» (в таком случае мы создали бы хаос и произвол в исправлениях), а потому, что это первое чтение — пушкинское, а второе внесено издателями «Современника» в 1837 году при первом посмертном издании этого произведения.

Установление текста, с моей точки зрения, — это также исследование его истории. Это восстановление определенного, конкретно существовавшего этапа в развитии текста, а не создание нового текста, никогда не существовавшего. Установление текста, конечно, является частью истории текста, и никакой уклончивости в признании этого факта у меня нет. Это видно даже из того, в каком месте моих книг я рассматриваю методику установления и прочтения текста. Однако от прочтения и установления текста следует отделять техническую подготовку текста к изданию и выбор основного текста из нескольких для издания. То и другое делается на основе данных истории текста (в которую входит и история авторской воли, о чем ниже), но при учете издательских, технических возможностей и удобств читателя.

Б. Я. Бухштаб полагает, что посмертное издание текста обычно не имеет большого значения для истории текста «публикуемого произведения» (стр. 127). Последние слова характерны. Если подчинять задачи изучения истории текста нуждам публикации, то действительно посмертные издания по большей части мало интересны. Однако, независимо ни от чего, текст имеет свою историю все время, пока он переписывается и печатается, — при жизни автора и после его смерти. И прижизненная история текста, и посмертная могут иметь в различных обстоятельствах и для различных целей и очень большой интерес, и незначительный интерес. Разве не интересны, с точки зрения истории текста, посмертные публикации некоторых произведений Герцена, Салтыкова-Щедрина и пр.?

Отмечу, что Е. И. Прохоров, стремясь доказать, что текстология — наука о тексте вообще, а не об истории текста, фактически признает, что текстология изучает именно *историю* текста.

В самом деле, основным методом текстологии Е. Прохоров признает метод сравнительно-исторический. Ясно, что нельзя исторически изучать что-либо, не ставя перед собой историко-литературных целей. Наконец, надо вспомнить и о том, что исторический подход к общественным явлениям (а текст, как я стремлюсь показать, — и это не встречает возражений, — есть явление общественное) составляет неотъемлемую особенность марксистского метода вообще.¹

Против моего положения о том, что текстология изучает историю текста, Е. И. Прохоров выдвигает следующее возражение: «Мы изучаем тексты, дошедшие до нас в этих источниках (автографах, авторизованных копиях, авторизованных изданиях, — Д. Л.) и в результате этого изучения для нас формируется (так! — Д. Л.) какая-то часть истории текста. В зависимости от целей исследования мы можем ограничиться этой частью и не будем тревожиться по поводу источников, нам не известных» (стр. 148). Но ведь часть истории текста есть все же история текста! Никто не требует от историка общества, чтобы он каждый раз заново писал историю человеческого общества «от сотворения мира» и до наших дней. Историю пишут и по частям. А вот «тревожиться» по поводу недостатка источников ученому следует...

¹ Разумеется, определение метода текстологии как «сравнительно-исторического» недостаточно. Сравнения и историчность не определяют еще существенных особенностей метода текстологии, тем более, что методика сравнений может быть очень различной (в частности, формальной и формалистской).

Мало этого, изучая историю текста произведения, мы можем изучать не только тот или иной отрезок этой истории, но и определенный этап в его развитии, условно беря его как некоторое неподвижное целое. Ведь и в исторической науке мы анализируем тот или иной этап в развитии общества, устанавливаем существовавшие в нем общественные отношения, изучаем эти отношения иногда не в их динамике, а в их статике, непременно все же учитывая, какой исторический этап изучается.

Е. И. Прохоров утверждает, что между текстологией и изданием текста такая же связь, как между изучением болезней и их лечением, между геометрией и черчением и пр. Допустим! Но в том-то и дело, что связь эта односторонняя. Способы и приемы лечения болезней зависят от наших знаний об этих болезнях, но изучение болезней не зависит от приемов их лечения. Непосредственно на методику изучения болезней приемы их лечения, цели лечения не влияют. Новые способы лечения болезней удастся открыть только тогда, когда болезнь изучается сама по себе. Кстати, цели изучения болезней не только в их лечении. Изучение это имеет важное теоретическое значение. Плох был бы тот биолог, который ставил бы изучение болезней в узкую зависимость от их лечения. Так же точно нельзя ставить геометрию в зависимость от черчения. Разве не ушли многие текстологические работы Шахматова, Бонди, Дэна так же далеко от задач издания, как и работы геометров-математиков Гаусса, Гильберта и Лобачевского от задач чертежной техники?

Почему все же нужно изучать в текстологии именно историю текста, а не текст в каком-то другом отношении? Потому что научный подход к тексту как таковому может быть только исторический. Другим подходом может быть только практический (или, если хотите, эдично-технический). Никто из моих оппонентов не указал на возможные другие подходы изучения текста как такового.

Я и до сих пор думаю, несмотря на все возражения мне Б. Я. Бухштаба, что «догадки», «размышления», «филологическое остроумие», простое «проникновение» в текст без определенных целей и метода совершенно неопределенны. «Догадка» о предшествующем тексте — это понятно. Я за такую догадку. Но «догадка» сама по себе, «проникновение в текст» само по себе — так же неопределенны, как и «размышление» без предмета для размышления. Только к «догадке» и «размышлению» самим по себе методика изучения не может быть сведена.

Текст изучают представители различных специальностей (юристы, источниковеды и пр.) — я на это указывал. Что же изучает в тексте текстолог? Только его историю; либо он не изучает текст, а препарирует его для издания. Последнее совершенно необходимо, но должно основываться на данных изучения истории текста. Иначе у нас не будет научных критериев для выбора основного текста, для подготовки текста к изданию.

Покажу это в связи с вопросом о последней воле автора.

Воля автора

Последняя воля автора — и я это утверждаю с полной ответственностью — в современной текстологии новой русской литературы если и изучается, то только как юридический, формальный принцип, как закон («lex» — по выражению Е. И. Прохорова). И все то, что пишет о творческой воле автора в своей статье Е. И. Прохоров, только это подтверждает. И для Е. И. Прохорова творческая воля автора — это формальный принцип выбора текста. Это формальное представление о творческой воле зиждется при этом на самых примитивных представлениях о психологии авторского творчества. Прочтите внимательно хотя бы то место статьи Е. И. Прохорова, в котором описывается, как автор в ка-

кой-то момент своего творчества всегда говорит себе: «Окончил!», чтобы получить моральное право опубликовать свое произведение. К такого рода представлениям о воле автора (а не вообще к воле автора) я могу относиться только иронически. Это лубок, который выдается за науку.

К авторской воле также может быть только два подхода: либо научный, при котором мы изучаем *историю* творческой воли автора, либо формально-юридический, при котором мы в практических целях издания *условливаемся* считать тот или иной текст отражающим последнюю волю автора, его как бы нотариально заверенным завещанием и относимся к нему как к «главному закону» текстологической практики («*suprema lex*»).

Изучение развития авторской воли несомненно труднее, чем подход к воле автора как формальному принципу выбора текста, зато только научное изучение развития авторской воли может дать наиболее надежные критерии выбора текста. Вот перед нами спор о том, какой текст «Войны и мира» считать основным. Что может решить этот спор? Юридический момент здесь чрезвычайно ненадежен. «Последняя воля» Толстого была вообще против этого его романа. Решить спор может только научное изучение всей истории создания текста «Войны и мира», истории прижизненных изданий этого романа и всех творческих и нетворческих намерений, замыслов Толстого: изучение творческой воли по *содержанию* и в ее развитии.

Юристы под «последней волей» умершего понимают определенный документ, завещание, в котором эта последняя воля выражена. Стремление подменять авторскую волю материальным воплощением этой воли — характерный признак формально-юридического подхода к авторской воле. Позволю себе повторить определение творческой воли автора, данное и подчеркнутое как особо важное в статье Е. И. Прохорова: «...творческая авторская воля есть идейно-художественный замысел автора, нашедший свое материальное воплощение...» (стр. 152). Конечно, воля может «воплотиться», но она может и не «воплотиться». «Воля к победе» и сама «победа» еще не одно и то же.

Несомненно, что материальное воплощение авторской воли чрезвычайно важно (в какой степени она «воплощается» в творчестве автора — это вопрос также особый), но это еще не сама воля, если не видеть в «воле» «последней воли», совсем особого, юридического понятия.

Воля автора — это прежде всего намерения автора, а они очень сложны, многообразны, имеют сложное развитие. Изучение этих намерений по их сложному содержанию не может удовлетвориться установлением последнего прижизненного текста произведения. Воля автора должна быть установлена во всей сложности и оценена с точки зрения выбора текста. Нельзя видеть в ней просто формальный ориентир для выбора текста. Она должна быть ориентиром по существу. Авторская воля, авторские намерения должны быть изучены в своем содержании.

Я думаю, что вопрос о воле автора следовало бы обсудить более внимательно, чем это делалось до сих пор. На страницах «Русской литературы» я хотел бы выступить в будущем со статьей на эту тему.

Текст и произведение

Напрасно Б. Я. Бухштаб полагает, что данное мною с текстологической точки зрения определение понятия «произведение» имеет значение только для древней русской литературы. И в новой литературе мы очень часто имеем дело со случаями, когда трудно сказать, самостоятельное ли перед нами произведение, или отдельные части более крупного. Произведения ли вставные новеллы в «Пиквикском клубе» Диккенса? Имеем ли мы право издавать их отдельно, как это иногда дела-

ется в Англии? А как быть с рассказами в «Дневнике писателя» Достоевского? Как быть с циклами произведений Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, с серией романов Золя «Ругон-Маккары», с отдельными лирическими циклами? И дело, конечно, не только в праве издания, но и в приемах изучения. Можем ли мы изучать историю текста этих произведений отдельно от включающего их целого? Критерий, как мне кажется, должен быть следующий: если произведение не имело самостоятельного развития относительно включающего его целого, значит это и не самостоятельное произведение, не произведение с текстологической точки зрения, и мы не должны изучать историю его текста обособленно.

Другой вопрос: почему необходимо отделять историю текста произведения от истории самого произведения? Потому, во-первых, что история произведения гораздо шире, чем история его текста, и, во-вторых, потому, что изучение истории произведения не имеет собственной специфической методики. История произведения — это и история его замысла (возникшего до появления текста), и выявление прототипов действующих лиц или исторических основ сюжета, и история литературных влияний на это произведение, и многое другое. Методики всех этих изучений разнообразны. Изучение же истории *текста* произведения имеет специфические приемы, свою методику, особенности которой я и стремился показать в двух своих книгах и ряде статей.

Е. И. Прохоров пишет, что ему «трудно понять, почему к тексту не относятся планы, наброски, записи в записных книжках и т. п. (ответ, стр. 77)» (стр. 148). Однако в моем ответе Б. Я. Бухштабу речь идет не о тексте вообще, а о тексте *данного* изучаемого произведения. Разумеется, записи без текста невозможны, но в записях может еще и не быть текста именно данного изучаемого произведения, о чем пишу я и о чем, повторяя меня, пишет далее и Е. И. Прохоров.

Специфика различных областей текстологии

Б. Я. Бухштаб стремится всячески подчеркнуть различия в текстологии новой и древней русской литературы. Я же стремлюсь вскрыть то общее, что есть между различными сферами применения текстологии — будь то литература новая, античная, средневековая, русская или не русская. Без этого общего невозможно видеть в текстологии науку. Речь, следовательно, идет о том — наука текстология или не наука.

Б. Я. Бухштабу представляется, что я стираю грани, механически применяя ко всякому материалу принципы, выработанные на изучении древнерусской литературы, и ничего больше. Игнорируя условность выдвинутых мной «для удобства» (стр. 76 моего ответа) обозначений — «полная „Текстология“» и «краткая „Текстология“», — Б. Я. Бухштаб утверждает, что краткая «Текстология» является только сокращением полной. «Сравнивая „краткую“ „Текстологию“ с „полной“, — пишет Б. Я. Бухштаб, — трудно обнаружить в ней что-нибудь существенно новое, связанное с расширением темы» (стр. 133). Возьмем хотя бы оглавление обеих книг. К числу «несущественных», очевидно, должны относиться следующие разделы краткой «Текстологии», которых нет в полной: «Произведение», «Рукопись, список, автограф», «Черновик, беловик», «Ошибки переписки на машинке», «Ошибки набора», «Ошибки корректуры», «Ошибки авторского текста», «Замысел и воля автора», «Типы изданий произведений нового времени», «Выбор авторского текста», «Выбор основного списка для издания при отсутствии достоверного авторского текста», «Публикация черновигов», «Расположение произведений в издании» и др. Но различия и дополнения есть и в содержании глав, озаглавленных одинаково с полной «Текстологией».

Что же касается до заявления Б. Я. Бухштаба, которым он заканчивает свою статью: «...не будем прятаться... от специфики всех тех областей, которые должны войти в сферу наших обобщений» (стр. 133), то, соглашаясь с этим предложением, которое ко мне, впрочем, мало относится, поскольку я эту специфику стремился постоянно учитывать в своих книгах и статьях, я могу добавить и еще следующее: не будем вообще играть в прятки, а будем чаще обмениваться опытом и относиться к этому обмену опытом без обид.

Несколько слов об обидах

Не считаться с волей автора можно не только путем выискивания «формулировок» и возведения в ранг «формулировок» тех мест текста, которые таковыми не являются, а тесно связаны с контекстом, но и путем обратного — того, что называется «чтением в сердцах» или (в логике) «преувеличением тезиса».

Так, например, я говорил о том, что текстология новой русской литературы не имела до недавнего времени точных определений понятий «текст» и «произведение», что не отрицается и Б. Я. Бухштабом. Но по этому поводу Б. Я. Бухштаб заявляет, явно искажая мой тезис: «После глубоких и блестящих работ Томашевского, Бонди, Эйхенбаума, Винокура выставлять советскую текстологию новой литературы сферой теоретической беспомощности — несправедливо» (стр. 132). Но справедливо ли приписывать мне огульное отрицание значения текстологии нового времени и работ очень уважаемых мною ученых?

Гораздо конкретнее в своих обидах Е. И. Прохоров. В конце своей статьи он преподносит мне следующее «научно-этическое» наставление. Надо, мол, спорить с открытым забралом и называть своих противников. Е. И. Прохоров недоволен тем, почему я не считаюсь с «Основами текстологии» и со сборниками «Вопросы текстологии».

Разъясняю. В моей краткой «Текстологии» нет вообще в тексте ни одной библиографической отсылки. Таков жанр самой работы, написанной в тезисной форме. В конце книги имеется список рекомендательной литературы по текстологии, в котором среди наиболее значительных произведений *мировой* текстологии названы и «Основы текстологии», и три сборника «Вопросов текстологии». Я очень жалею, что не включил в этот список ни действительно превосходных, блестящих работ С. М. Бонди, ни работ Г. О. Винокура. Почему же в тексте своей книжки, не называя ни Б. В. Томашевского, ни С. М. Бонди, ни К. Гурского, ни Д. Пасквале и других ученых с мировой известностью, я должен называть авторов «Основ текстологии»? И разве не ясно, что вопросы, о которых я пишу, подняты были в основном впервые не в «Основах текстологии»? Мнительность Е. И. Прохорова простирается настолько далеко, что он даже заявляет, что я в своем ответе Б. Я. Бухштабу спорю «не только и даже не столько с Б. Я. Бухштабом, сколько с другими, не названными противниками» (стр. 155), т. е., очевидно, с ним, Е. И. Прохоровым, и московской группой текстологов, работающих в Институте мировой литературы АН СССР. О правомерности такого рода подозрений предоставляю судить читателям.

